

Блаженный
Иоанн Мосх

ПУГ
ДУХОВНЫЙ

Блаженный Иоанн Мосх

**Луг духовный: Достопамятные
сказания о подвижничестве
святых и блаженных отцов**

«Сибирская Благовонница»

2010

Мосх Б.

Луг духовный: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов / Б. Мосх — «Сибирская Благовонница», 2010

Византийский духовный писатель, блаженный Иоанн Мосх, в конце VI столетия вместе со своим учеником Софронием (будущим патриархом Иерусалимским) совершил великое путешествие по монастырям Ближнего Востока. Обойдя почти все знаменитые палестинские и сирийские обители, они посетили Египет, проникли на юг до славной Фиваиды и даже отдаленного Оазиса, везде присматриваясь к подвижнической жизни и с любовью ее изучая. Собранные сведения и составили эту книгу.

© Мосх Б., 2010

© Сибирская Благовонница, 2010

Содержание

БЛАГОЧЕСТИВОМУ ЧИТАТЕЛЮ	5
ВВЕДЕНИЕ	14
I. Писатель «Духовного Луга»	14
II. Краткая история древнего иночества	17
III. Пустыня св. града	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Блаженный Иоанн Моск

Луг духовный. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов

БЛАГОЧЕСТИВОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Когда все внимание людей устремлено на то, чтобы украсить земную жизнь возможно большими удобствами, трудно говорить о тех, кто, глубоко сознав и почувствовав тленность всего земного, отрешался от мира, уходил в пустыню и стремился всеми силами только к тому, чтобы, поборов в себе самих все плотское, страстное и греховное, очистить и укрепить высшую духовную сторону своего существа и приготовить полное торжество духа над плотью.

Между тем, среди огромных успехов в науке, в искусстве, в обогащении, во внешнем украшении жизни можно подметить нередко глубокий вздох подавленной духовной стороны человека; порой раздается даже потрясающий вопль разочарования и отчаяния. Чувствуется какой-то глубокий внутренний разлад во всем строе современной жизни... Это происходит, оттого что все сокровища и красоты мира сего не могут дать желанного покоя бессмертному духу, созданному для Бога и вечности. По мере того как цветет и украшается внешний человек, внутренний, истинный, человек как бы замирает от глады духовного. Пристращаясь к миру и его утехам, человек живет скорее призрачной жизнью, чем настоящей, увлекается как бы призраками сновидения, а не бодрствует. «Ты это узнаешь, – говорит приснопамятный святитель Филарет, – когда дух твой пробудится в день благодати или в день суда!» Вот почему не когда-либо, а именно во времена почти общего увлечения внешними удобствами мира сего, этими призраками сновидений, и надлежит напоминать не столько о тех, кто так или иначе своим талантом или гением способствует так называемому прогрессу, успехам материальным, сколько, напротив, о тех, которые могучим подвигом или советами духовной мудрости указывали человеку на небо, на его высшее призвание, на бесконечную ценность духовной стороны. Если мир воздвигает памятники своим великим людям, героям, поэтам и художникам, то мы не должны забывать, что были другого рода люди, для которых «померкли красоты мира, сладости чувственные преогорчились, земные сокровища превратились в уметы, мир явился пустынею, а пустыня раем»¹, люди, которые презрели мир и все мирское и чрез то явились такими, что их «не бе достоин весь мир».

В Антиохии в глубокой древности был монастырь, который носил название монастыря Гигантов. Это название остановило наше внимание на себе. Всмотриваясь внимательно в жизнь великих подвижников древнего Востока, мы как бы невольно повторяли про себя: «гиганты духа»... Мы изумлялись подвигам этих, воистину, гигантов духа, эти подвиги казались нам столь великими, столь превышающими силы человеческие, но – увы! – внутренний голос подсказывал нам: это происходит, оттого что мы сами измельчали духовно, что поработились плоти и тленным стихиям мира, что веки наши отяжелели и нам трудно поднять взор свой на небо, где ярким светом сияют звезды духовные. И эта мысль привела нас в глубокое уныние. Мы увидели всю бездну, которая легла между нашей суетной и грешной жизнью и духовным величием истинных гигантов духа. Но благодарение Богу за все! Благодарение Ему и за то, что, подобно светилам на тверди небесной, великие подвижники сиянием своей жизни светят нам

¹ Слова митрополита Филарета.

в нашем земном странствовании и своей пламенной ревностью по Бозе пробуждают и в нас заснувшие было стремления к высшей духовной жизни. Печаль о своем недостойнстве служит ко спасению. При содействии благодати Божией она может привести нас к раскаянию и породить в нас хоть малую искру той ревности ко спасению, которая таким ярким пламенем горела в сердцах великих подвижников.

На этот раз мы предлагаем вниманию читателей знаменитое творение «Луг Духовный». Сам строгий подвижник, блаженный Иоанн Мосх вместе со своим высокообразованным учеником Софронием, бывшим потом патриархом Иерусалимским, в конце VI и в начале VII столетия совершили великое путешествие: обойдя почти все знаменитые обители палестинские и сирийские, они посетили Египет и проникли до славной Фиваиды и даже до отдаленного оазиса, везде присматриваясь к подвижнической жизни и с любовью изучая ее. Все, что они видели и слышали замечательного в духовном отношении, они правдиво записали. Так составила книга «Луг Духовный». В ней мы видим свидетельства очевидцев высокой честности – и это дает ей огромное значение. С «Лугом Духовным» в руках мы как бы сами путешествуем по Палестине, Сирии, Египту той отдаленной эпохи. Особый аромат несется нам с этого «Луга»: это впечатление свежести, безыскусственной прелести живого рассказа, простоты и неподдельной правдивости. «Луг» блж. Иоанна так богат прекрасными цветами, – говорит преосвященный Филарет, – что самое малоопытное обоняние не может не ощущать неземного благоухания его. Какое прекрасное разнообразие в этом «Луге»! Величие древних отцов, служивших Богу с полным самоотречением, их твердая верность евангельской истине поражают душу благоговением к древности, в назидание векам последующим. Чего не предпринимали люди Божии из любви к сладчайшему Иисусу!..» Только тот, кто понял всю страшную силу живущего в нас зла, кто знает, что в нас, грешных, «от ног даже до главы несть целости» (Ис. 1, 6), кто, хотя отчасти, испытал, как трудно вести духовную брань со грехом, тот поймет и оценит величие древних духовных борцов...

Полная достоверность рассказов из «Луга Духовного», как мы уже сказали, стоит вне всяких сомнений. Чтобы окончательно убедиться в этом, стоит только ознакомиться с дошедшими до нас описаниями иноческой жизни в древности у историков, духовных ораторов, великих отцов Церкви; стоит только ознакомиться, так сказать, с той благодатной почвой, на которой произросли цветы «Луга Духовного». Руфин, Палладий, Кассиан, Иероним, Сократ, Созомен, Евагрий, Феодорит, Кирилл Скифопольский и множество других свидетелей в ярких чертах изобразили нам образ жизни древних подвижников.

«На горах, – говорит Афанасий Великий, изображая жизнь учеников Великого Антония, – были монастыри, которые, как храмы, наполненные божественными ликами, были наполнены людьми, жизнь которых проходила в пении псалмов, в чтении, молитвах, посте и бдении, людьми, которые всю надежду полагали во благах будущих, которые жили в единении и удивительной любви и трудились своими руками не столько для прокормления себя, сколько для пропитания бедных, так что это была как бы обширная страна, совершенно отдельная от мира, счастливые обитатели которой не имели другой цели, кроме той, чтобы подвизаться в правде благочестия. Они не знали ропота и прекословия, они не знали желанья делать зло другим... Всякий, смотря на них, мог бы сказать: *коль добри доми твои, Иакове, и кущи твои, Израилю, яко дубравы осеняющая, и яко садив при реках, и яко кущи, яже водрузи Господь!*»

Св. Иоанн Златоуст, по собственному опыту хорошо знавший современную ему иноческую жизнь, в дивных, увлекательных чертах изображает ее перед своими слушателями. Однажды он говорил о том, что мы все званы на брак «в чертог украшенный» и потому должны облечь свою душу в приличные небесному торжеству одеяния.

«Хочешь ли, я покажу тебе одетых в брачную одежду? – восклицает вдохновенный оратор. – Припомни святых, облеченных во власяницы, живущих в пустынях. Они-то носят брачные одежды. Ты увидишь, что они не согласятся взять порфиры, если будешь давать им. И это

потому, что знают красоту своей одежды. Если бы ты мог отворить двери сердца их и увидеть душу их и всю красоту внутреннюю, – ты упал бы на землю, не вынес бы сияния красоты, светлости тех одежд и блеска их совести...

Они убегают городов и общественных собраний, потому что воюющему не годится сидеть в доме, но должно жить в таком жилище, которое легко оставить; они, если нужно, оставляют его, как воины оставляют лагерь во время мира. Но приятнее видеть пустыню, усеянную хижинами монашескими, нежели стан воинов, раскидывающих в поле шатры. В палатках воинов Христовых мы не увидим ни растянутых покровов, ни острых копий, ни золотых тканей, покрывающих палатку царскую. Но если кто простер на земле, которая обширнее и неизмеримее нашей, многие небеса, тот представил бы подобное жилищам иноков. Ибо их обитель ничем не хуже небес, потому что к ним сходят ангелы, даже Сам Господь ангелов. Сии подвижники, как воины, живут в шатрах не с копьями, не со щитами и бронями, однако ж они совершают такие подвиги, каких те и с оружием произвести не могут. Они каждый день сражаются и побеждают все восстающие на них похоти. Одним хотением они побеждают врагов, которыми воины побеждаются. Пьянство и пресыщение побеждено у них питьем воды и лежит, повержено и мертво. А это – многовидный и многоглавый зверь... В воинстве духовном каждый воин одерживает победу. Кто сам не нанес врагу смертоносного удара, того он не перестает беспокоить всячески.

Каждый из сих воинов воздвигает такие трофеи, каких не могут воздвигнуть воинства, собранные со всех концов вселенной. Они отринули от себя все беспорядочное и безрассудное: безумные слова, неистовые и отвратительные болезни, кичение и все, чем вооружается против человека пьянство. Они употребляют пищу не для пресыщения и наслаждения, но для удовлетворения естественной потребности... Они довольствуются хлебом и водою. Смятение, шум и беспокойство совершенно от них изгнаны, и как в жилищах их, так и в теле великая тишина. И не только над сладострастием одержали победу святые мужи, но и над любостыжанием, славолюбием, завистью и вообще над всеми болезнями душевными. Итак, трапеза сих воинов не лучше ли трапезы воинов царя земного? Трапеза мужей святых возводит на небо; ее приготовляет Христос; правила для нее дает любомудрие и целомудрие. Пустынножители не женятся, не посягают иметь много, не предаются изнеженности, но, кроме самых неизбежных нужд для существа телесного, живут как бестелесные. Трапеза их готовится праведными трудами; будучи свободна, не позволяет собеседникам говорить ничего срамного; ищет пользы своих соучастников, не попускает оскорбить Бога. Нет у иноков никаких возмущений душевных, нет ни болезней, ни гнева: все тихо, все мирно, везде великая тишина, великое безмолвие. Постелью инокам служит трава, многие спят, не имея крова, – небо служит им вместо крова, и луна – вместо светильника. У них нет господина и раба; все – рабы, и все – свободные. Они – рабы друг другу и владыки друг над другом. С наступлением вечера им не о чем сокрушаться, не нужно запираť дверь, бояться разбойников. Разговор их исполнен такого же спокойствия. Они всегда разговаривают и любомудрствуют о будущем и, как бы не здешние, как бы переселившиеся на небо и там живущие, всегда рассуждают о небесном, а о настоящем нет ни помина, ни слова. Они говорят о Небесном Царстве, о настоящей брани и кознях дьявола, о великих подвигах, совершенных святыми.

Хотите ли, – продолжает оратор, – пойти в град добродетели, в селения святых, т. е. в горы и леса? Там-то мы и увидим высоту смиренномудрия. Там люди, блиставшие прежде мирскими почестями или славившиеся богатством, теперь стесняют себя во всем: не имеют ни хороших одежд, ни удобных жилищ, ни прислуги и во всей жизни явственными чертами изображают смирение. Все, что способствует к возбуждению гордости, удалено отсюда. Сами они разводят огонь, сами колют дрова, сами варят пищу, сами служат приходящим. Там все слуги, каждый оmyвает ноги странников и один перед другим старается оказывать им услуги; не разбирают они, кто к ним пришел, раб или свободный, но делают это для всех равно; нет

там ни больших, ни малых. Хотя и есть там низшие, но высший не смотрит на это, а почитает себя ниже их и чрез то делается большим. У всех один стол, как у пользующихся услугами, так и у служащих им: у всех одинаковая пища, одинаковая одежда, одинаковое жилище, одинаковый образ жизни. Большой там тот, кто предупреждает другого в отправлении самых низких работ. Там не говорят: это – мое, это – твое. Оттуда изгнаны слова сии, служащие причиною бесчисленного множества распрей. И чему дивиться, что у пустынных один образ жизни, одинаковая пища и одежда, когда у них и душа одна не по природе только, но и по любви, а любовь может ли возгордиться сама пред собою? Там нет ни бедности, ни богатства, ни славы, ни бесчестия. Хотя и есть там низшие или высшие по добродетели, но никто не смотрит на свое превосходство: низших там не оскорбляют презрением, ибо там никто не унижает других. А если бы их кто унижал, они тем более научаются переносить презрение, поругание и унижение и в словах, и в делах. Любят общаться с нищими и увечными, и за столом их много таких гостей, а потому-то они и достойны неба. Один врачует раны недужного, другой водит слепого, иной носит безногого. Нет там толпы льстецов и тунеядцев; там даже не знают, что такое лесть... Все усилия употребляют на то, чтобы не иметь первенства, но быть в унижении... Впрочем, и самые их занятия приводят их к смирению. Ибо, скажи мне, кто, занимаясь копанием земли, поливанием и насаждением растений, плетением корзин и вязанием власяниц, будет высоко думать о себе? Кто, живя в бедности и борясь с голодом, подвергается сему недугу? Как в мире трудно соблюсти скромность по причине множества рукоплещущих и удивляющихся, так в пустыне это весьма удобно. Отшельника занимает собою только пустыня; он видит летающих птиц, колеблемые веянием ветерка древа, потоки, быстро текущие по долинам. Итак, что может возбудить к гордости человека, живущего среди такой пустыни?

Между монашескою и мирскою жизнью такое же различие, какое находится между пристанью и морем, непрестанно волнуемым ветрами. Смотри – самые жилища монахов предвещают о их благоденствии: избегая рынков и городов и народного шума, они предпочли жизнь в горах, которая не имеет ничего общего с настоящей жизнью, не подвержена никаким человеческим превратностям, ни печали житейской, ни горестям, ни большим заботам, ни опасностям, ни коварству, ни ненависти, ни зависти, ни порочной любви, ни всему тому подобному. Здесь они размышляют только уже о Царствии Небесном, беседуя в безмолвии и глубокой тишине с лесами, горами, источниками, а паче всего с Богом. Жилища их чужды всякого шума. Душа, свободная от всех страстей, тонка, легка и чище всякого тонкого воздуха. Занятия у них такие же, какие были вначале и до падения у Адама, когда, облеченный славою, дерзновенно беседовал с Богом и обитал в блаженном рае. И в самом деле, жизнь монахов – чем хуже жизни Адама, когда он, до преступления, введен был в рай возделывать его? Адам не имел никаких житейских забот – нет их и у монахов. Адам чистою совестью беседовал с Богом; так и монахи – даже больше, чем Адам, имеют дерзновения, так как больше имеют в себе благодати по дару Духа Святого.

В мире свирепствует буря, а отшельники сидят в пристани спокойно и в великой безопасности, смотря, как бы с неба, на кораблекрушения, постигшие других. Они и жизнь избрали достойную неба, и живут не хуже ангелов. Как между ангелами нет того, чтобы одни благоденствовали, а другие терпели крайние бедствия, но все одинаково наслаждаются миром, и радостью, и славою, так и здесь никто не жалуется на бедность, никто не превозносится богатством; своекорыстие изгнано отсюда; все у них общее: и трапеза, и жилище, и одежда. И что удивительного в этом, когда у них и самая душа одна и та же? Все они благородны одинаковым благородством, рабы – одинаковым рабством, свободны одинаковою свободою. Там у всех одно богатство – истинное богатство; одна слава – истинная слава, потому что блага у них не в именах, а в делах; одна радость, одно стремление, одна надежда у всех. Все у них устроено как бы по какому правилу и мере и нет ни в чем неправильности, но во всем порядок, стройность и гармония – самое точное согласие и прочное основание для всегдашнего благодушия...

Опишу хотя одну часть образа их жизни, ибо всей их жизни описать невозможно. Сии светильники мира, едва начинает восходить солнце или еще до рассвета, встают с ложа здоровы, бодры и свежи. Ибо их не возмущает ни печаль, ни забота, ни головная тяжесть, ни множество дел; но они живут, как ангелы на небе. Итак, встав с ложа бодрые и веселые, они с светлым лицом и чистою совестью составляют вместе один лик и как бы едиными устами поют гимны Богу всяческих, прославляя и благодаря Его за все благодеяния, как частные, так и общие. Спрошу вас: чем различествует от ангелов сей лик на земле поющих и восклицающих: *слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение* (Лк. 2, 14)? И одежда у них соответствует их мужеству. Одежды их приготовлены, как у блаженных оных ангелов, Илии, Елисея, Иоанна, у одних из козьей, у других из верблюжьей шерсти, а некоторым довольно одной кожи, и то ветхой. Потом, пропев свои песни с коленопреклонением, прославленного ими Бога призывают на помощь в таких делах, которые другим не скоро бы и пришли на ум. Они не просят ни о чем настоящем; у них не бывало об этом и слова; но просят о том, чтобы им с дерзновением стать пред страшным престолом, когда Единородный Сын Божий придет судить живых и мертвых, чтобы никому из них не услышать сего страшного гласа: не вем вас; и чтобы в чистоте совести и обилии добрых дел совершить сию трудную жизнь и благополучно переплыть сие бурное море. Потом, как, встав, окончат сии священные и непрестанные молитвы, с восходом солнечным идет каждый к своему делу и трудами многое приобретает для бедных. Монахи не только когда поют и молятся, но и когда сидят за книгами, доставляют зрителям приятное зрелище. Когда пение кончится, один берет Исаяю, другой беседует с апостолами, третий читает книги других писателей и любознательствует о Боге, о мире, о предметах видимых и невидимых, чувственных и духовных, о ничтожности жизни настоящей и о величии жизни будущей. Они питаются словом Божиим, сладчайшим меда и сота (Пс. 18, 11). Это чудный мед и гораздо лучше того, каким некогда Иоанн питался в пустыне. Ибо не дикие пчелы, садясь на цветы, собирают сей мед, но приготовляет оный благодать Св. Духа и вместо сотов, ульев и дупла полагает в душах святых. Подобно пчелам, они облетают соты священных книг, почерпая в них великое удовольствие. Принимая такую пищу, уста их не могут произнести ни одного дурного слова, ни одного шуточного или грубого, но каждое достойно неба... Таково их настоящее состояние. А будущее – какое слово может выразить? Какой ум – постигнуть?...

Приди и учись у иноков. Это – светильники, сияющие по всей земле; стены, коими ограждаются и поддерживаются самые города. Они для того удалились в пустыню, чтобы научить и тебя презирать суету мирскую. Они, как мужи крепкие, могут наслаждаться тишиною и среди бури; а тебе, обуреваемому со всех сторон, нужно успокоиться и хоть мало отдохнуть от непрестанного прилива волн. Итак, ходи к ним чаще, дабы, очистившись их молитвами и наставлениями от непрестанно приражающихся к тебе скверн, ты мог и настоящую жизнь провести сколько можно лучше, и сподобиться будущих благ... Как тот, кто взойдет на высокое место, хотя бы и очень мал был, кажется большим, так и те, восходя в беседах к высоким помыслам праведных, и сами кажутся такими же, пока с ними пребывают.

Монах и бедным и богатым дает дары, он равно щедр для обоих. Хотя целый год носит одну одежду и охотнее пьет воду, нежели вино, но не просит для себя ни большой, ни малой милости от богачей, но для бедных он испрашивает многих постоянных милостей, полезных как для дающих, так и для получающих. Таким образом, он является общим врачом и для богатого, и для бедного – одного освобождая от грехов добрым наставлением, другого избавляя от нужды. Он раздает дары Духа, освобождает молитвою души, угнетенные тиранством демонов. К ним прибегают и цари в своих нуждах, прося их молитв. Монах носит залог спасения в своей воле, в своей ревности, в своем расположении по слову Писания: «Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17, 21). Смерть для него не страшна: ибо для того, кто презирает богатства, удовольствия и радости, не тяжело разлучиться с этим миром...» (Златоуст. Из бесед на Евангелие от Матфея.)

Вдохновенные описания великого святителя находят полнейшее подтверждение в сочинениях историков Востока и Запада.

Ефрем Сирин, этот «человек Божий, старец великий между отцами, просвещенный умом и сердцем», как свидетельствует о нем один из св. подвижников, прп. Иоанн Колов, путешествовал по Египетской пустыне, видел богоизбранного мужа Пансня и в восторженном слове своем в похвалу отцов-пустынников выражается так:

«Перенеситесь мыслию в пустыню: там увидите вы дивное и славное видение. Очистим сердца свои, сделаем себе голубиные крылья и полетим, посмотрим на жилища оных мужей, которые оставили шумные города и возлюбили лучше горы и пустыни. Пойдем посмотрим, как живут они подобно мертвецам в гробах своих. Пойдем посмотрим на их тела, одетые власами. Пойдем посмотрим на их рубища, в которых они радостно славят Бога. Пойдем посмотрим на их питание, растворенное слезами. Пойдем посмотрим на их стол, состоящий всегда из диких растений. Пойдем посмотрим на те камни, которые они кладут под головы свои. Живут они в пещерах и пропастях земных, как в крепостях. Окрестные горы и холмы для них высокие стены... Им нет покоя в этом мире, потому что они ожидают себе успокоения в том. Они блуждают со зверями, как птицы летают по горам. Но, блуждая по горам, они сияют, как светильники и просвещают светом своим всех, с усердием приходящих к ним... Царям скучно бывает в чертогах, а им весело в их подземельях. Носят власяницы блаженные отцы, но радуются больше, чем носящие порфиру... Когда изнемогут, скитаясь по горам, ложатся на земле, как на мягком ложе. Немного заснут – и спешат встать, дабы петь хвалы возлюбленному их Христу... Когда молятся они, стоя на коленях, из глаз их текут источники... Где застигнет их вечер, там остаются; о могилах не заботятся, ибо они уже мертвы, распяв себя миру из любви ко Христу. Где кто кончил пост свой, там для него и могила. Многие из них молились, повергшись на землю, – и тихо почил пред Господом. Другие, стоя на камнях, отдали души своему Владыке... Теперь ожидают они гласа, который разбудит их, и тогда процветут они, как цветы благовонные... Блаженны вы, всецело сохранившие в сердцах своих любовь ко Христу: войдите теперь в тихое пристанище, насладитесь Христом, Которого возлюбили...» (Ефрем Сирин. Похвальное слово подвижникам.)

Руфин (410) пишет как очевидец: «Видел, истинно видел сокровище Христово, сокрытое в человеческих сосудах. Видел я в Египте отцов, живших на земле и проводивших жизнь небесную, и новых неких пророков, воодушевленных как добродетелями душевными, так и даром пророчества, о достоинстве коих свидетельствует дар знамений и чудес. В самом деле, почему тем, которые не желают ничего земного, ничего плотского, не получить небесной силы? Некоторые из них так свободны от всякой мысли о нечестии, что забывают, было ли в мире что-нибудь злое. Таков мир их души, такова их доброта, что истинно об них можно сказать: *мир мног любящим закон Твой* (Пс. 118, 175). Они обитают в пустыне, рассеянные и разделенные по кельям, но соединенные любовью. Для того разделяются жилищами, чтобы никакой звук, никакая встреча, никакой праздный разговор не возмущали наслаждающихся покоем безмолвия и священным вниманием ума. Собрав ум, каждый в своем месте, ожидают пришествия Христа как благого Отца, или как воины в лагере – присутствия императора, или рабы – господина, обещавшего дать им свободу и дары. Все они не заботятся о пище или о одежде и подобном. Ибо знают, что *всех сих языцы ищут* (Мф. 6, 32). Они ищут правды и Царствия Божия, и все сие, по обещанию Спасителя, прилагается им.

Многие из них, если почувствуют нужду в чем-нибудь необходимом для тела, не к людям прибегают, но, обратясь к Богу и прося от Него, как от

Отца, получают просимое. Ибо такова в них вера, что могут и горы переставлять. Посему некоторые из них молитвами останавливали стремление волн реки, готовой затопить соседние селения, как по суху, переходили по воде, укрощали лютых зверей и совершали многие и бесчисленные чудеса, так что нет сомнения, что их добродетелями стоит мир. Особенно удиви-

тельно то, что, хотя, обыкновенно, все превосходное редко и трудно, – их и по числу много, и по добродетелям они несравненны. Иные живут вблизи городов, другие в деревнях, многие рассеяны по пустыне, как бы некое небесное воинство, опоясанное на брань, стоящее в лагере, всегда стремящееся к исполнению повелений Царя; сражаясь оружием молитв и покрываясь от нападений врага щитом веры, стараются приобрести себе Небесное Царство. Они украшены добрыми нравами, миром, тихи, покойны и связаны союзом любви, как бы неким родством. Каждый старается быть снисходительнее, кротче, любвеобильнее, смиреннее и терпеливее другого. Если кто из них был мудрее, то он так прост со всеми, что, по заповеди, кажется меньшим всех и слугою всех». (Rufini Historia monachorum. Patrologiae c. compl. G. XXI, p. 390. Ист. прав. мон. на Востоке. Ч. 1,21.)

Созомен, историк пятого столетия, в столь же возвышенных чертах изображает иночество: «Это любомудрие (т. е. иночество) наслаждается только добром, и кто удерживается от зла, но не делает добра, того почитает худым; ибо оно не тщеславится добродетелью, но подвизается, почитая людскую славу за ничто. Мужественно противостоя страстям души, оно не уступает ни нуждам физическим, ни немощам тела. Стяжав силу божественного ума, оно всегда созерцает Создателя всяческих, ночью и днем чтит Его и умиливает молитвами и служением... Будучи выше внешних напастей и, так сказать, господствуя над всем, оно не отвлекается от своего избрания ни окружающим жизнь беспорядком, ни нуждою. Обижаемое, оно не ослабевает, терпящее зло – не мстит, угнетаемое болезнью или недостатком необходимого – не падает духом, но тем более и хвалится, что, целую жизнь подвизаясь в терпении и кротости и требуя немногого, становится, сколько возможно для человеческой природы, ближе к Богу. Смотря на настоящую жизнь как на переход к лучшей, оно не удручается заботами о приобретении вещей и не простирает своего попечения о настоящем далее кратких нужд, но, всегда предпочитая простые и удобоснискиваемые потребности здесь, чаёт блаженства там и постоянно стремится к тамошнему счастливому жребию. Всегда дыша благоугождением Богу, оно отвращается от бесстыдного сквернословия, и что удалило из своей жизни на самом деле, о том не терпит даже и звука. Ограничиваясь немногими естественными потребностями и принуждая тело довольствоваться малым, оно над похотью владычествует воздержанием, неправду наказывает правдою, ложь вразумляет истиною и мерою всего ставит благочиние. Жизнь свою проводит оно в единомыслии и общении с ближними, печется о друзьях и чужих, делит собственное с нуждающимися, занимается тем, что полезно для всякого, не возмущает радующихся и утешает скорбящих. Заботясь же обо всех и направляя свое попечение к существенному благу, оно здравыми рассуждениями и мудрыми внушениями научает слушателей чуждаться мести и злословия. Будучи свободно от вражды, насмешливости и гнева, беседуя с почтением и скромностью, оно врачует собеседников, словно лекарством. Как разумное, оно отрекается от всякого неразумного движения и совершенно властвует над страстями души и тела». (Созомен. Церковн. Ист. кн. 1, гл. 12.)

Приведем, наконец, свидетельство историка VI столетия, особенно важное для нас как потому, что Евагрий был современником блаженного Иоанна Мосха, так и потому, что говорит он о палестинских иноках.

«Отшельники живут сообща, не задерживаясь ничем, тяготеющим к земле, ибо у них нет золота. Но что я говорю о золоте? У них нет ни собственной одежды, ни собственной пищи, потому что тот плащ или кафтан, в который теперь оделся один, немного спустя надевает другой; так что одежда всех их принадлежит как будто одному, и одежда одного – всем. Общий у них и стол, состоящий не из мяса, изящно приправленного, и не из других кушаний, а из одних овощей и зелени, достаточной только к тому, чтобы можно было жить. Общие также денно и ночью возносят они к Богу молитвы и так измощают себя, такими смиряют себя трудами, что, кажется, видишь подземных мертвецов, только не в гробах... Их хижины имеют такую ширину и высоту, что в них нельзя ни прямо стоять, ни свободно склоняться. Это, по

слову апостола, жизнь в вертепах и в пропастях земных (Евр. 11, 38). Иные из них изливают свои молитвы пред Богом, обитая вместе со зверями в каких-нибудь незаметных расселинах земли... Это какие-то бесплотные борцы и бескровные бойцы, вместо открытых и роскошных обедов содержащие пост и вместо сытных блюд не вкушающие, если возможно, ничего. А когда приходит к ним странник, хотя бы рано поутру, они принимают его с таким радушием и благожелательством, что выдумывают другой род поста – едят нехотя. Удивительное дело!.. Враги своих хотений и своей природы, они служат хотениям ближних, чтобы всеми средствами изгонять хотения плоти и чтобы правительницею была душа, всегда избирающая наилучшее и благоугоднейшее. Блаженны они, следуя и здесь такому роду жизни, но еще блаженнее, когда переселяются отсюда в жизнь другую, которой непрестанно жаждут и это вожденное стремятся поскорее увидеть» (Евагрий. I, 21).

Другой писатель VI века, Кирилл Скифопольский († 560), потрудившийся составить жизнеописания великих подвижников палестинских: Евфимия († 473), Феодосия († 529), Саввы Освященного († 531), Кириака († 557), Иоанна Молчаливого († 557) и Феогния, изображая жизнь иноков палестинской лавры прп. Герасима, пишет: «Вступившие в монашество жили (вначале) в монастыре и исполняли в нем обязанности иноческие; а те, которые приучили себя к частым и продолжительным трудам и достигли некоторых степеней совершенства в подвижнической жизни, помещались в кельях. Отшельники так мало заботились о мирских вещах, что не имели ничего, кроме одежды, не имели даже другой одежды. Постелью им служила рогожа. В келье находился еще сосудец с водою, которую пили и в ней же смачивали пальмовые прутья. Когда они выходили из кельи, то не затворяли ее, чтобы, кто пожелает, мог в келью войти и взять, что нужно, из маловажных вещей, там находящихся: так они мало были привязаны к земным вещам! Не дозволялось никому в келье разводить огонь и вкушать вареное. Когда некоторые из пустынников пришли однажды к прп. Герасиму просить позволения разводить в кельях огонь, греть воду, есть вареное и читать при светильниках, то великий старец сказал им в ответ: «Если хотите так жить, то вам гораздо выгоднее быть в монастыре. Но я в продолжение всей жизни моей никак не позволю, чтобы это было у пустынников». Жители Иерихона, услышав, что жизнь старцев у аввы Герасима так строга и безотраднa, поставили себе за правило в субботу и воскресный день приходить к ним и приносить им какое-либо утешение. Многие из подвижников, узнав, что жители Иерихона приходят к ним с таким намерением, бегали и уклонялись от них» (Кирилл Скифоп. Жизнь и дела св. Евфимия Великого. «Христианск. чт.» 1824 г. XV, 89–93).

Толк, по словам апостола, *имуща облежаша нас облак свидетелей*, приступим с полным доверием к чтению дивного творения блаженного Иоанна, в котором мы, как бы воочию, увидим «бесплотных борцов» против всего, что омрачает нашу природу. Но, с любовью живописуя подвиги отцов, правдивый повествователь отнюдь не скрывает и неизбежных падений. Пока человек на земле, он не может совсем освободиться от греха и падений. Благочестивый читатель не смутится этим, тем более не дозволит себе глумления, свойственного низменным натурам. В самом «Луге Духовном» он найдет отличное руководство для себя. Однажды один из подвижников, укушенный змеею, пришел в город для лечения. Его с любовью приняла к себе благочестивая женщина и ходила за больным. Едва оправившись от болезни, инок уязвлен был плотской страстью к своей благодетельнице. Заметив это, хозяйка постаралась образумить инока. Придя в себя, почувствовав весь стыд своего поведения, инок хотел было немедленно удалиться. «Не уходи, – сказала ему женщина. – Тебе еще нужно полечиться. А об нечистом помысле забудь: то не было делом твоей чистой души. Это – внушение всегубителя-диавола».

Кроме глубокой поучительности, книга блаженного Иоанна Мосха имеет большое значение в историческом и догматическом отношениях. Благочестивые путешественники обошли православный Восток, можно сказать, накануне того грозного исторического момента, когда магаметанство на долгие, долгие годы мрачной тучей нависло над ясным прежде Востоком...

Читая «Луг Духовный», мы живо представляем себе, в каком положении находилась Палестина и другие страны православного Востока перед завоеванием арабов, и с грустью сравниваем печальное настоящее с давно минувшими временами... Что было и что стало!.. Возродится ли православный Восток к новой жизни или, вернее, воскреснет ли там дух, одушевлявший некогда древних великих подвижников, озарятся ли лучами когда-то ярко горевшего там света развалины древних обителей – одному Богу известно... Судьбы Божии неисповедимы. Благоговейно преклоняясь пред ними, в настоящее время мы можем только со скорбью повторить слова псалмопевца: *помянух дни древние и поучихся во всех делах Твоих...*

Догматическая важность «Лука Духовного» освящена высшим церковным авторитетом. 45 и 180 главы были читаны на Седьмом Вселенском соборе... (См. четвертое и пятое деян. Седьмого Всел. собора.) С большим уважением говорит о ней и св. Иоанн Дамаскин. Вместе с тем, вся книга, с первой до последней страницы, служит выразительным свидетельством о непоколебимой твердости Православия в хранении не только догматов веры, но и священных обрядов глубокой христианской древности.

ВВЕДЕНИЕ

І. Писатель «Духовного Луга»

Писателем «Духовного Луга» был, бесспорно, блаженный Иоанн Мосх. Нам не известны ни его родина, ни год рождения, ни то, где он получил образование. Из его творения мы можем только заключить, что он отличался обширными познаниями. Его, впрочем, мало занимали светские науки: высшие вопросы религии и философии, глубокие духовные опыты – вот к чему лежала душа его, вот чем он никогда не переставал интересоваться. Стремление к Богу и высшему нравственному совершенству руководило его научными занятиями. Ничто так не знакомит нас с его духовными стремлениями, как следующий рассказ. В Александрии вместе с Софронием Иоанн посетил знаменитого ученого Коему Схоластика. У него была огромная библиотека, и хозяин предоставил пользоваться его книгами каждому желающему. «Я ходил к нему ежедневно», – замечает Мосх. Что же особенно привлекало его внимание?

– Скажи мне, пожалуйста, – спрашивал он ученого, – сколько времени провел ты в отрешении от мира?

– Тридцать три года!

– Столько лет проведя в подвиге, получил ли ты пользу для души?... Ты ведь знаешь, что я спрашиваю не ради простого любопытства, но *для пользы души моей*...

На пустынном берегу священного Иордана находилась обитель в честь св. Илии. Сюда-то прежде всего пришел, влекомый духом подвижничества, Иоанн Мосх и прожил здесь около десяти лет, предаваясь по временам полному уединению в близлежащей пещере. Это было в 568–579 годах.

В царствование императора Тиверия (578–582) Иоанну пришлось отправиться в Египет «для служения». В Египте происходили страшные смуты, возбуждаемые монофизитской ересью. Александрийским патриархом в то время был Евлогий, предшественник Иоанна Милостивого. На помощь Евлогию в его борьбе с еретиками, вероятно, и отправлялся в Египет глубоко образованный инок.

В самом конце VI века мы снова находим блаженного Иоанна в Палестине, в обители преподобного Феодосия. Здесь-то он познакомился со своим знаменитым учеником Софронием, бывшим впоследствии патриархом Иерусалимским. Общее стремление к духовному совершенству соединило наставника и ученика узами теснейшей дружбы. Познакомившись с преданиями о великих подвижниках, хранившимися в обители при. Феодосия, они решились посетить знаменитые обители Востока. Изучая духовную жизнь в различных степенях и многообразных проявлениях, они желали видеть и беседовать с опытными в духовной жизни старцами-подвижниками, насладиться их лицезрением и затем изобразить все это письменно для назидания грядущих веков. Так началось великое путешествие, продолжавшееся целые десятки лет... Прежде всего они обошли палестинские обители: прп. Герасима, Башен, Каламонскую, св. Петра, обитель Евнухов, Евфимия Великого, монастыри в окрестностях Мертвого моря, обитель св. Саввы и другие. Поклонившись св. местам Иерусалима и Вифлеема, они остановились на некоторое время в Новой лавре св. Саввы, при истоке Иордана из озера Галилейского.

Из северной Палестины благочестивые путешественники совершили путешествие в Антиохию и далее – посетили киликийские обители. Антиохия, или Феополь, Ливан, гора Росс, Селевкия, Эги, Таре и Аназарв – вот та новая нива, где они собирали благоухающие цветы. Это происходило около 603 года. Может быть, они продлили бы здесь свое пребывание, может быть, даже направились бы в Месопотамию, но с Востока уже поднималась гроза в виде

нашествия персов. Действительно, Хозрой в скором времени взял и разрушил Мердин, Дару, Амиду и Эдессу; прорвавшись через Евфрат, овладел Гиерополем, Халкидой и быстро явился под стенами Антиохии. Вскоре Палестина и самый Иерусалим очутились в руках неверных. Патриарх Захария вместе с животворящим древом креста Господня отправлен был в плен в Персию. Девяносто тысяч христиан были избиты варварами. Беглецы из Палестины спешили толпами в Египет, где их радушно встречал и спешил оказать всевозможную помощь сострадательный патриарх Александрийский Иоанн. Туда же, западным берегом Палестины, направились наши путники, посетив по дороге приморскую Кесарию, Газу и Аскалон.

После утомительного путешествия по аравийской пустыне они достигли священного Синая. Проведя здесь несколько времени в подвигах молитвы и богомыслия, они обошли пустыни Синайскую, Фаран, Раиф и, встречаясь с великими старцами, собирали сведения о великих подвижниках ужасных пустынь. Наконец, путники через Клизму на берегу Суэцкого перешейка прошли в Египет и явились в Александрии около 607 года, в патриаршество Иоанна Милостивого. Иоанн Мосх уже хорошо знаком был с положением дел в Александрийской Церкви, волнуемой различными ересями. Патриарх с радостью принял просвещенных и благочестивых гостей, которые оказались его ревностными помощниками в борьбе с еретиками. В жизнеописании Иоанна Милостивого епископ Кипрский Леонтий весьма сочувственно отзывался о плодотворных трудах Мосха и Софрония: «По его (патриарха) желанию, Бог послал ему мудрых и достопамятных мужей Иоанна и Софрония. Они были для него верными советниками, которым внимал он, как отцам, и благодарил их, как мужественных воинов, подвижавшихся за благочестие и веру. Руководимые Духом Святым, они мудро боролись с северянами и другими нечестивыми еретиками. Много скитов, храмов и обителей они исторгли из пасти этих зверей, подобно добрым пастырям. Этим-то они и заслужили особое уважение патриарха».

В Александрии Софроний принял иночество, к которому долго готовился под руководством своего мудрого наставника. С радостным настроением духа отрекался высокообразованный Софроний от мира и всецело посвящал себя на служение Господу. О тогдашнем строе души его красноречиво говорит нам знаменательное сновидение. «Я видел, – говорил Софроний, – как на пути передо мною девы, составив хор, радостно приветствовали меня, восклицая: «Как мы рады приходу твоему, Софроний! Какого венца сподобился ты, Софроний!!..»

Александрия уже издавна славилась как центр всемирной образованности. Там было единственное по своему богатству книгохранилище. Большими собраниями рукописей владели и частные лица, как показывает пример Космы Схоластика. Наши путники старались ознакомиться со всем, что могли найти для себя поучительного среди богатого умственного наследия, завещанного языческой и христианской древностью Александрии. Но, углубляясь в книги и беседуя с мужами высокой мудрости, они не пропускали без внимания ни одного случая из действительной жизни, который мог навести их на благочестивые размышления. Однажды они пришли для беседы к ученому александрийцу и, застав его спящим, отправились в одно особенно посещаемое место в Александрии. Там они застали трех слепцов и, незаметно приблизившись к ним, выслушали замечательный рассказ одного из них о том, как Бог покарал его за покушение на великое преступление. Софроний дал знак своему наставнику. Отойдя от слепцов, он сказал: «Ну, сегодня нам нет нужды учиться чему-нибудь. Мы получили очень хороший урок».

Посетив все храмы и знаменитые обители в Александрии и ее окрестностях, путники вознамерились посетить знаменитые местности, бывшие, так сказать, колыбелью и рассадниками иночества. Горные хребты, образуя Нильскую долину, представляют в своих каменистых скалах и ущельях удобные местности для отшельнической жизни, и там-то, вскоре после смерти основателя иночества св. Антония, появились обители: к востоку от Нила – до самого Чермного моря и древнего Синая, а к западу – до страшных пустынь Ливийских. В Ливийских горах,

почти на равном расстоянии от Александрии и древней столицы Египта – Мемфиса, возвышается местность, известная благодаря своей почве под именем Нитрийской горы. Там-то находилась славная Нитрийская пустыня, «град Божий», прославленный именами Макария, Серапиона, Пафнутия, Памво, Пиора, Хрония... В близлежащей местности рассеяно было множество келий, в которых подвизались одинокие отшельники. Но самой дикой, ужасной пустыней считалась Скитская, лежащая ближе к Нилу. Чтобы добраться до этих местностей, нужно было преодолеть страшные трудности. Бурное озеро Мареотис, дикие звери, множество крокодилов, топкие болота, дикие хищники – вот что грозило на пути, но все это не останавливало ревностных путников, горевших желанием посетить знаменитые места. Посетив Нитрийскую пустыню, они направились в Фиваиду...

Между тем, страшная военная гроза разражалась все новыми ударами. Персы, прорвавшись через Суэц в Египет, пронеслись опустошительным ураганом до самых окрестностей Триполи... Патриарх Александрийский Иоанн Милостивый удалился на о. Кипр. Но, по-видимому, еще ранее его удаления из Александрии наши путники покинули Египет с глубокою скорбью в сердце об опустошении святых мест. Основательно изучив христианский Восток, можно сказать, накануне его опустошения, они задумали великое путешествие на отдаленный Запад.

Глубокая духовная мудрость блаженного Иоанна Мосха многих привлекала к нему, и он отплыл из Египта уже в сопровождении двенадцати учеников. Посетив Кипр и Самос, они прибыли в столицу Востока – Константинополь. То было около 619 года, когда император Ираклий только что готов был пробудиться от своего усыпления при виде того погрома, который потерпели восточные провинции его империи. Может быть, уже возрождалась надежда на другие времена. Церковь, как и всегда, в то смутное время спешила придти на помощь государству. Но отрешившиеся от мира и суеты наши путники, вероятно, мало принимали участия в бурных событиях своего времени. В столице Востока они с благоговением поклонялись священным памятникам христианской древности, собранным со всех сторон в столицу, и, без сомнения, не раз посещали св. Софию, блиставшую во всей своей первозданной красоте. Из Константинополя они отправились в Рим – крайний пункт своего великого странствования. Бесспорно, и в Риме, как и на берегах Босфора, необыкновенное впечатление производили на народ эти дивные странники, изведавшие жизнь пустыни во всех ее проявлениях и теперь показавшиеся среди шумных центров тогдашнего образованного мира... В Риме Иоанн Мосх пробыл последние два года своей жизни и здесь-то окончательно привел в порядок свои записки. Посвятив их своему «верному чаду» Софронию, он передал их ему для душевной пользы всех ревнующих о нетленных небесных благах. Так явился на свет Божий «Луг Духовный». Почувствовав приближение кончины, блаженный старец собрал учеников своих. Трогательно простившись с ними, он просил перевезти его прах на далекий и дорогой его сердцу Восток и мирно скончался в 622 году. Его завещание было свято исполнено. Возвратившись в Палестину, Софроний и его товарищи похоронили тело своего наставника в обители св. Феодосия, в той самой пещере, где долгие годы подвизался великий палестинский киновиарх, – в пещере Волхвов.

II. Краткая история древнего иночества

С самых ранних времен христианства некоторые из верующих, движимые любовью к Богу, предавались высоким подвигам строгого воздержания и молитвы, отказывались от брачной жизни, от почестей и богатства и всецело посвящали себя Богу. Но, собственно, в III-м веке положено было начало *иночества*. Первым христианским отшельником был прп. *Павел*, проживший с двадцати трех лет до ста тридцати лет в Фиваидской пустыне, в Египте. В год его удаления, в 251 году, родился великий *Антоний*, который, собственно, и признается основателем пустынножительства и иночества. Изумительные подвиги св. Антония, дар чудес, небесные откровения свыше, которых он удостоился, – вся жизнь этого необыкновенного подвижника производили сильное впечатление на современников, и уже при жизни Антония Фиваидская пустыня стала заселяться отшельниками, жившими в *уединенных кельях*. Антоний не предписывал внешних правил для жизни иноческой, заботясь, главным образом, о внушении живого, искреннего и глубокого благочестия, но вскоре, с умножением числа иноков, возникла необходимость в правилах и учреждениях, которые могли бы поддерживать и укреплять волю в борьбе с искушениями. Начало правильному общежитию, или жизни в киновиях, положил св. *Пахожий*. Этот великий подвижник-киновиарх основал общество иноков на одном острове Нила, называемом Тавенне. Остановившись однажды здесь для молитвы, он услышал голос: «Останься здесь и устрой монастырь. К тебе соберется много иноков». Вслед затем ему явился ангел, державший в руке доску, на которой начертан был устав иноческой жизни. Уже при жизни великого Пахомия устроилось около восьми монастырей с тремя тысячами иноков, а после его кончины, последовавшей в 348 году, к началу пятого века число иноков простиралось уже до 50 000 человек. Почти одновременно возникли и женские обители, управлявшиеся также по уставу св. Пахомия. Так возникли *киновии*. Историк Евагрий в следующих чертах изображает жизнь иноков в киновиях: «Отшельники живут вместе, не возмущенные земными привязанностями: у них нет золота. Но зачем говорить о золоте? У них нет даже собственной одежды и пищи. Плащ, в который одет один, может потом надеть на себя другой: одежда всех принадлежит как бы одному и одежда одного – всем. У них и стол общий. На столе не увидишь изящно приготовленных мясных яств. Зелень и овощи, да и то в количестве, достаточном только для поддержания жизни, – вот их кушанья. Денно и ночью возносят они общие молитвы к Богу и так изнуряют себя подвигами, что, кажется, видишь пред собою мертвецов, только не в гробах» (Evagr. 1,21). Киновия управлялась аввою (что в переводе с сирийского значит – отец), и безусловное послушание ему было обязанностью каждого обитателя киновии. Время, свободное от богослужения и молитвы, иноки проводили в труде: занимались земледелием, плетением корзин и веревок и т. п.

Третий вид иночества – это *лавы*. Основателями этого вида иноческой жизни были *Макарий Старший*, живший в Скитской пустыне близ границы Египта с Ливией, и *Аммон*, поселившийся на Нитрийской горе. В лаврах мы видим как бы соединение отшельничества с общежитием. Каждый подвизался отдельно, в особой келье. Кельи, разбросанные вокруг холма или жилища аввы, находились на известном расстоянии одна от другой и располагались в виде переулков в городе, откуда и самое название – лавра (*λῆϊρα* – дорога, переулок). Отшельники в первый и последний дни недели собирались вместе для богослужения. В остальные дни хранили безмолвие. Если кто-либо не приходил на общие собрания, заключали, что он болен, и некоторые из братии посылались для его посещения. Жизнь в лаврах была много труднее, чем в киновиях, и к подвигу безмолвия уже приступали не иначе, как подготовившись к нему в киновиях. «Вступившие в монашество, – говорит Кирилл Скифопольский, – жили сначала в монастыре и исполняли в нем обязанности иноческие, а те, которые уже достигли некоторого совершенства в подвижнической жизни, помещались в кельях».

Так, Египет был рассадником иночества. Нигде, по словам Евсевия, слова евангельского учения ни над кем не явили столько своей силы, как в Египте. Недаром, видно, древний Египет издревле глубоко задумывался над вопросами о бессмертии и вечности... «Меланхолический и торжественный вид природы Египта, – говорит русский путешественник, – вечно ясное небо, строгий характер пирамидального зодчества, ужасное разрушение зданий гигантских, превышающих силы человека, столько великого, столько славного в прахе и, наконец, куда ни взглянем, везде поразительное исполнение пророчеств – все это невольно приводит к жизни созерцательной человека мыслительного». («Путеш. по Египту». Норов. II. 350.)

«Радуйся, Египет верный! – поет св. Церковь. – Радуйся, Ливия преподобная! Радуйся, Фиваида избранная!»

В скором времени иночество распространилось и за пределы Египта. В Палестине основателями иночества были *св. Харитон* Исповедник, пострадавший при императоре Аврелиане (270–275) и основавший в Палестине знаменитую лавру Фаранскую, лавру близ Иерихона – в пещерах Сорокадневной горы и лавру Сукка, и *св. Иларион*, ученик и подражатель св. Антония Великого, подвизавшийся около 50 лет в пустыне близ г. Газы. Здесь основаны были обители, из которых в VI веке славились: киновия аввы *Серида*, близ которой жили знаменитые отшельники в своих одиноких кельях: *свв. Варсануфий и Иоанн*, и киновия аввы *Дорофея* в окрестностях Газы и Маиума.

III. Пустыня св. града

Из всех палестинских местностей более всего прославилась своими обителями так называемая пустыня св. града, по своему характеру вполне оправдывавшая свое название «Ужаса». Вот как изображает ее один новейший писатель: «Пустыня Иудейская бесплодна, она состоит из нагорных долин. В некоторых местах она представляется суровою и страшною; вследствие землетрясений и геологических переворотов в скалах здесь образовались трещины и проходы, иногда в тысячу футов глубиной и тридцать или сорок шириной; в других местах в ней имеются обнаженные меловые горы, наполненные пещерами, или белые, каменистые горные переходы и извивающиеся загрязненные долины, снабженные случайно резервуарами, выбитыми в твердом известняке с целью доставать воду в стране, лишенной источников. Можно путешествовать здесь по целым дням и не видеть никакого живого существа, кроме пустынной куропатки и по временам лисицы или ястреба. Только сухие и толстые растения, не требующие влаги, растут здесь на высотах, а в долинах самая роскошная растительность состоит из дрокового кустарника, который цветет в марте или апреле. Весь этот округ представляет из себя склон находящихся внутри страны меловых и известковых возвышений, которые в самых высоких местах, близ Хеврона, имеют до 3000 футов над уровнем моря, а в долине у Мертвого моря до 1000 и 1500 футов. Евреи дают этой пустыне приличное ей название *Иесимон*, «Страшная пустыня», или «Ужас», потому что более пустынной страны невозможно и представить. Некоторые места в ней покидаются даже арабами. На северной ее стороне очень глубокие долины, спускающиеся к Мертвому морю. Они почти совершенно задерживают путешественников, за исключением промежутков между горными валами; а далее к югу страна абсолютно непроходима. Большие потоки, падающие зимой на утесы, по направлению к Мертвому морю, образовали перпендикулярные горные проходы, от тысячи до тысячи пятисот футов в глубину, а в некоторых местах почти в милю шириной. Единственное удобное место для города во всей этой местности есть открытое пространство при подножии прохода *Енгеди*, Источника диких серн. Это место выше берегов Мертвого моря. К Енгеди можно пройти только по узкой змееобразной тропинке, проходящей под утесами, поднимающимися на тысячу двести футов, которые хорошо называются евреями Скалами диких серн. По этой тропинке могут ходить в безопасности только разгруженные животные, и то в течение медленной часовой ходьбы. За исключением одного источника, в этой местности воду можно найти только в ложбинах между скалами или в очень редких водных цистернах, выбитых в прошлые века в известковом камне, которые наполняются во время нескольких дождей, бывающих в этой стране. Этот источник *Енгеди*, или *Аш-Иуди*, течет из-под скалы, расположенной на маленьком плоскогорье на 400 футов выше Мертвого моря и на 800 ниже других утесов. Вода приятна на вкус и чиста, но слишком тепла. Речка течет длинным каскадом по крутому скату утеса и исчезает в каналах для орошения, покрытых низкими кустарниками, гнувшимся камышом и гигантскими листьями ошера, желтыми ягодами содомских яблонь и ровными, похожими на кедровые, вершинами тернистой дардара, поднимающимися в чаще по течению реки. Прыгающие дрозды и соловьи находят себе здесь приют, а черные сои с золотистыми крыльями и мелодичным голосом летают около утесов вверх. Ниже, на обеих сторонах источника, разрушенные стены садов и террас и огромные терра – сообразные насыпи указывают на местоположение древнего города, имевшего, может быть, до тысячи жителей. Места вдоль Мертвого моря великолепны по своему дикому и пустынному величию. Ниже их виднеются голубые воды Мертвого моря; выше – высокие скалы и укрепленные стремнины огромной скалистой стены, которая проходит, постоянно возвышаясь и делаясь все круче и круче, почти до крепости Масады; четырехугольная, отдельная масса последней, поднимающаяся более чем на 1500 футов над уровнем Мертвого моря, представляет большую плоскую возвышенность, ограниченную со всех сторон широкими трещинами и вертикаль-

ными стенами скал и видную из Енгеди. К востоку отсюда, за глубокими проходами Арнона и маленькими речками голубых гор, смотрят вниз белые башни Керака с большого утеса, который кажется совсем недоступным» (Д-р Коннингэм Гейки). Приведем также не менее любопытное описание Иорданской пустыни русского путешественника г. Норова: «Горный путь от Вифании к пустыне Иорданской представляет по местам бедно обработанные отлогости; но с отдалением от Вифании дикость возрастает более и более. После первого спуска видны одни опаленные горы. Через двадцать минут пути от Вифании, по спуске в глубокую лошину, открывается у подошвы горы источник. Этот источник, столь отрадней для утомленных путников, идущих от Иорданской пустыни, есть тот самый, который назван в книге Иисуса Навина *источником Солнечным*; он освящен преданием, что Спаситель часто отдыхал возле него со Своими апостолами и прохлаждался от его струй. Отсюда начинается дѣбрь самая дикая; дорога следует направлению лошины по отлогости скал. Менее чем через два часа пути от Иерусалима мы поднимаемся на гору, на вершине которой видны остатки здания, называемого *ханом*, или гостиницей, благого Самарянина; это место называлось издревле *Адоним* и *Кровавое* по причине частых разбоев, здесь происходивших... От Адонима мы ехали по краю ужасной пропасти; внизу шумел быстрый поток, а ребра скал были изрыты пещерами; в них *таятся теперь хищные звери, но некогда они служили обителью отшельников*... Вскоре горы расступились, и открылись – величественная пустыня Иорданская, Иерихон, течение священного Иордана, Мертвое море и горы Аравийские... Спустиась с крутизны Иудейских гор, мы оставили иерихонскую дорогу и почти тотчас повернули налево, по обводу гор... Дикая пустыня оживилась; роскошные луга вдруг заменили бесплодную почву; рощи маслин и смоковниц осеняли нам путь, радовали и удивляли взор, привыкший к дикости; наконец, журчание быстро скачущего потока довершило прелесть ландшафта... По мере отклонения нашего от долины и приближения к горам жизненность начала исчезать, и, наконец, природа приняла вид самый грозный. Мы подъезжали к возвышению; въехав на него, мы увидели пред собою глубокую пропасть, а за нею две исполинские каменные горы поразительной дикости; они расстились двумя огромными шатрами... Вторая гора, самая последняя, с беловатою вершиною, испещрена глубокими вертепами; она спускается от самой середины неприступной, отвесной стеной известкового кряжа на дно пропасти. В одной из мрачных пещер этой ужасной горы Спаситель мира, уклоняясь от людей, приготовлял Себя сорок суток, в посте и молитве, на великий подвиг искупления рода человеческого... Когда вы обратитесь отсюда лицом к пустыне Иорданской, то грозный вид горы Сорокадневной заменится перед вами самым свежим ландшафтом: внизу, на первом плане, под густыми навесами смоковниц, сикомор и цакумов падает с уступа на уступ быстрый поток пророка Елисея; далее – водяная мельница, полуразрушенные аркады водопроводов, бродящие стада вместе с арабскими конями; кое-где пастухи – бедуины, обернутые в белые бурнусы, с длинными ружьями или копьями в руках... Еще далее – уединенная башня селения Рихи – предел Иерихона, и, наконец, неизмеримая пустыня ограничивается течением Иордана, светлой плоскостью Мертвого моря и горами Аравии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.